

КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ ЧИСТЯКОВ,

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
Института гуманитарного образования и информационных технологий

МОТИВЫ КСЕНОФОБИЧЕСКОГО ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Рассмотрены мотивы ксенофобического преступного поведения, в частности, такие мотивы, как конформизм, самоутверждение, борьба за власть.

Ключевые слова: ксенофобия, ксенофобические преступления, экстремизм, конформизм, фанатизм, самоутверждение, пропаганда, агрессия, власть.

K.V. Chistyakov, Post-Graduate, Subdepartment of Criminal Law Subjects, Institute of Humanitarian Education and Informational Technologies; e-mail: chistyakov@mail.ru, tel.: 8 (495) 603-85-22.

Motives of xenophobic criminal behavior.

Motives of xenophobic criminal behavior, particularly such motives as conformism, self-affirmation, power struggle, are examined.

Key words: xenophobia, xenophobic crimes, extremism, conformism, fanaticism, self-affirmation, propaganda, aggression, power.

Существует множество определений понятия «мотив». Его понимают и как жизненный смысл, и как потребности, направляющие деятельность субъекта. Мы будем исходить из того, что мотив - это смысл поведения. Знание о мотиве дает знание о данном человеке, но один и тот же мотив порождает разные поступки.

Рассматривая экстремистские мотивы, А. Кибальник отмечает, что фундаментальное основание таких мотивов состоит в противопоставлении «я (мы) - они». Такое противопоставление - не просто констатация существующего факта различия в национальной, расовой, этнической, религиозной принадлежности. Оно, как отмечается в юридической литературе, динамично, и его динамика сводится к стремлению ущемить законные права и интересы «их» именно потому, что «они» отличны от «меня (нас)». А вот степень желаемого ущемления прав и интересов «других» объективно может варьироваться: от словесного унижения до физического уничтожения¹.

О.Д. Дмитриева выделяет как отдельно существующие мотив толерантности и мотив интолерантности, поскольку они представляют собой относительно самостоятельные формы социального поведения, не сводимые к другим его разновидностям. Данные мотивы обладают выраженной смыслообразующей функцией, поскольку стремление вести себя толерантно (интолерантно) по отношению к другим людям для многих индивидов выступает как одно из основных жизненных устремлений².

Рассматривая идеологию как мотив совер-

шения ксенофобических преступлений, необходимо отметить, что сектантский фанатизм идет от вождя, но в то же время не каждый вождь является фанатиком. Стоит отметить, что массы заражаются фанатизмом с поразительной легкостью. Несокрушимая уверенность в себе фанатиков порождает безмерное доверие других, причем доля фанатиков зачастую минимальна.

Фанатизм подавляет стремление к творчеству, к индивидуализации, самореализации, адекватной оценке различных явлений и процессов.

Оборотной стороной фанатизма является конформизм - принятие господствующих принципов, сложившихся в обществе, и следование им. В то же время происходит процесс отвержения своих убеждений.

Защита устоявшихся традиций может стать мотивом экстремизма, поскольку население при высоком росте количества мигрантов, навязывающих ему свои традиции и обычаи, будет вынуждено прибегнуть к насилию, если не будет найдено иного решения данной проблемы.

Как отмечают В.В. Глотова и М.Б. Плохина, мы оказались в неприемлемой ситуации. С одной стороны, мы критикуем конформизм и поощряем индивидуальность и непокорность. С другой стороны, мы сожалеем, что постоянно повышающиеся стандарты материального потребления не могут привести к такому же росту уровня счастья. Это происходит оттого, что именно непокорность, а не конформизм, создает структуру, которая порождает взаимную конкуренцию и вбивает клин между потреблением и счастьем³.

С мнением В.В. Готовой можно не согласиться в части поощрения непокорности, а также в том, что общество негативно относится к явлениям, идущим вразрез с принятыми в нем правилами. Это происходит по причине привыкания к определенным требованиям, и человек, даже если будет не против вводимых изменений, вынужден мириться с их непринятием, поскольку опасается, что те основы, на которых построено его общество, рухнут, а он окажется на какое-то время отвергнут, и поэтому бросает все силы и средства для своей защиты. Индивидуальность поощряется в обществе до тех пор, пока не затрагивает права остальных его членов.

Не существует окончательного отношения к конформизму, поскольку конформист сговорчив во всем, что касается общественных установок, он знает, что от него хотят, и действует в соответствии с этими желаниями. Но в то же время он перестает быть полноценной личностью.

Необходимо дополнить, что конформист не в состоянии проявить свое мнение самостоятельно, для него важно одобрение со стороны всей группы, поскольку так ему проще существовать, ведь он осознает себя частью чего-то большего, чем он сам. Он полагает, что индивидуальные решения могут негативно сказаться на отношении к нему его группы, по этой причине он оберегает ее от всех новшеств, приходящих к группе с внешней стороны.

Рассматривая отклонение от группы у конформистов, можно определить, что данное отклонение держится на страхе, который возникает на убеждении в том, что группа способна отомстить за проявленное своеволие. Люди, состоящие в какой-либо группе, вынуждены верить ораторам, поскольку убеждены, что остальная часть группы их поддерживает либо они говорят правду, но одновременно возможны и поддержка, и правда.

Мотивы проявления ксенофобии могут быть связаны также подчас с неправомерными и нескоординированными действиями властей на федеральном и на местном уровнях, поскольку разрушение единого конституционно-правового пространства создает условия для появления националистических, фашистских, религиозных и тому подобных образований и структур, якобы встающих на защиту интересов населения, но, по сути, преследующих свои меркантильные интересы.

Также мотивом ксенофобических преступлений служит самоутверждение, из-за которого экстремисты объединяются в группы и испытывают огромные затруднения, выходя из них.

Самоутверждение следует понимать, пишет Л.Р. Дернова, как ситуацию определения личностью своей необходимости в том социальном кон-

тексте, в котором она существует⁴. В группе люди, вступившие в нее ради самоутверждения, впадают в зависимость от других и, можно сказать, самоутверждаются за счет друг друга, теряя себя все больше. Возникает ситуация, при которой человек хочет почувствовать свою индивидуальную значимость, но попадая в группу, он все больше теряет ее и перестает ассоциировать себя как личность, воспринимая себя лишь как часть толпы.

Процесс удовлетворения потребности в самоутверждении направлен на достижение комплекса условий самосохранения субъекта, среди которых Г.В. Сурдин выделяет установление доминантного положения, обретение социального статуса и достижение субъектного совершенства⁵. Рассматривая процесс самоутверждения, выделяют доминантное самоутверждение, статусное самоутверждение и самосовершенствование.

Утрата собственной личности и замещение ее псевдоличностью, подчеркивал Э. Фромм, ставят индивида в крайне неустойчивое положение. Превратившись в отражение чужих ожиданий, он в значительной степени теряет самого себя, а вместе с тем, и уверенность в себе. Для того чтобы преодолеть панику, к которой приводит эта потеря собственного «Я», он вынужден приспособливаться дальше, добывать себе «Я» из непрерывного признания и одобрения других людей. Пусть он сам не знает, кто он, но хотя бы другие будут это знать, если он будет вести себя так, как им нужно; а если будут знать они, узнает и он, стоит только поверить им⁶.

С Фроммом можно согласиться, но необходимо уточнить, что приспособление идет в дальнейшем, поскольку изначально человек приходит за поддержкой, но и потом он вынужден поддерживать остальных и поэтому приспособливаться.

Люди, собравшиеся вместе, уверены, что видят или слышат вещи, которые поодиночке они не видят и не слышат. Но когда кому-либо из толпы причиняется вред, то толпа начинает мстить, поскольку воспринимает этот вред как свой личный, и становится введомой жадой разрушения, опасность такого разрушения в неограниченности, так как ограничений на ущерб врагам у толпы нет. Это особенно опасно, если жертвы знают, что виновные не понесут наказания со стороны государства, а уйдут от ответственности; проблема заключается в восприятии ими мести как средства защиты от вреда, но и в ответной мести другой толпы, которой этот ответный вред нанесен. В случае неуспешного предотвращения конфликта толпы будут противостоять друг другу до тех пор, пока одна из них не уничтожит другую.

Толпа нуждается в вожде, способном управлять ею, используя свой авторитет, но она не вос-

примет вождя, подавляющего ее силой, потому что каждый член этой толпы будет противопоставлять не конкретно себя и вождя, а всю группу, в силе которой он уверен.

Вождь толпы всегда признан ею в связи с тем, что каждый участник уверен в том, что остальные признают власть вождя.

Для снижения напряжения в группе необходимо исключать любые сомнения независимо от целей данной группы, и по этой причине она выбирает себе лидера. Лидер убеждает толпу в своих суждениях и направляет ее как на поддержку так и на разрушение в зависимости от своих целей. Человек, состоящий в такой группе, может бояться выйти из нее, да и чтобы выйти, он должен быть уверен, что его примут новые группы.

Высвобождение иррациональных сил толкает к тому, что вождь становится решением проблемы существования масс. Некоторые верят в совершенно иное решение. Они предлагают создавать политические партии, идейные движения или учреждения, способные контролировать массы. Но все же любая партия, любое движение или учреждение рано или поздно обзаведутся каким-нибудь лидером, живым или умершим. Итак, второе решение и не расходится с первым, и не исключает его. Все они обладают цезарианским элементом, который входит в состав власти, как водород входит в состав материи: это - ее универсальный компонент. Понять его истоки и раскрыть, в чем он состоит, - вот один из самых трудных разделов науки. Каждая выдвигает объяснение, основанное на изучаемых ею фактах⁷.

Мы следуем за другими еще и потому, что склонны беречь свою энергию и экономить усилия. Когда индивиды объединяются между собой, результат не является распадом их индивидуального сознания. Они при этом могут возвращаться на более примитивную стадию своей психической жизни, и каждый раз этот зародыш всего того, что есть плохого в человеческой душе, незаметно берет верх, и ничто не может ему противостоять.

В целях управления массами (партией, классом, нацией и т.д.) политика должна опираться на какую-то высшую идею, которую внедряют в сознание людей или возвращают в нем. В результате такого внушения она превращается в коллективные образы и действия.

Проблема заключается в том, что экстремисты действуют для достижения своих «высоких» целей, ради которых они приносят в жертву чужие и собственные интересы. Стоит отметить, что оценку «справедливости» своих целей дают сами экстремисты, которым безразличны не только мнение, но и жизни остальных людей. Необходимо отметить, что терроризм - это крайняя форма

экстремизма, несущая в себе все его компоненты, но в отличие от экстремизма не ограничивающаяся только пропагандой своих идеалов.

Экстремистской идеологии присущи предельная нетерпимость к инакомыслию и фанатизм, ненависть к существующему строю или обостренное чувство отверженности. Мотивация при таком сознании крайне проста: что хорошо для экстремистов - хорошо для всего мира. Критикующий их человек воспринимается ими как враг.

Насильственное навязывание своей идеологии становится движущим мотивом экстремистских организаций, поскольку это означает возвышение их идеологии, а соответственно и ее правоту, но самое главное, что идеология будет обладать силой принуждения, с которой остальные, уцелевшие в борьбе с ней, вынуждены будут считаться.

Пропаганда (или коммуникация) имеет иррациональную основу. Благодаря этому преодолеваются препятствия, стоящие на пути к действию. Поскольку в большинстве случаев наши действия являются следствием убеждений, то критический ум, отсутствие убежденности и страсти мешают действиям. Такие помехи можно устранить с помощью гипнотического, пропагандистского внушения, а потому пропаганда, адресованная массам, должна использовать энергичный и образный язык аллегорий с простыми и повелительными формулировками.

Причиной криминальной ксенофобии может также служить неорганизованность действующей государственной власти, неспособной управлять и толкающей население на путь революции. В связи с тем, что человек будет ощущать себя незащищенным и будет вынужден самоутверждать себя, ища различные пути (в том числе и насильственные) к приобретению власти.

Борьба за власть характерна для экстремистов, поскольку своей ненавистью они стараются избавиться от конкурентов (как внешних противников, так и своих сторонников, потенциально претендующих на руководящее место в группе).

Борьба, как отмечает К. Лоренц, является вездесущим процессом в природе, способы поведения, предназначенные для этой борьбы, как и оружие, наступательное и оборонительное, возникли и получили развитие «под селекционным давлением видосохраняющей функции»⁸.

Но агрессия внутри вида - это не столько насилие, сколько конкуренция между ближайшими родственными особями, отталкивающая их друг от друга, когда вид, сосредоточенный в одной части биологического пространства, страдает от скученности, недостатка ресурсов, пищи.

А.И. Салахова, не разделяя субъективные характеристики политических преступников на

мотивы и цели, выделяет следующие из них:

1) приобретение власти; 2) сохранение власти; 3) укрепление власти; 4) распределение власти; 5) утрата власти; 6) создание нового независимого государства или автономной территории в рамках того же государства; 7) изменение внешних или внутренних границ национального государства или группы государств; 8) национальная, расовая, этническая или религиозная нетерпимость; 9) нетерпимость к политическому инакомыслию; 10) изменение системы управления в государстве; 11) прекращение политической деятельности⁹.

С Салаховой можно не согласиться в части сохранения и укрепления власти, поскольку это во многом одно и то же. А утрата власти как мотив совершения преступления представляется бессмысленным, лишиться могут властных полномочий за совершение ряда преступлений либо по иным причинам, но сама цель совершения преступления ради утраты власти существовать не может, поскольку от власти можно отказаться добровольно.

У объекта насилия формируется привычка к подчинению репрессивной власти. Ж. Желев так характеризует процесс перехода внешних санкций во внутренние побуждения под воздействием насилия: «Тоталитарное государство доводит террор и контроль до такой всеохватности и совершенства, что каждый гражданин поступает именно так, как оно хочет. И гражданин привыкает к тому, что веления государства - самые правильные, и всегда соглашается с ними, не задумываясь над тем обстоятельством, что ему не дозволяется поступать по-другому. В конце концов он начинает внушать себе, что поступает так добровольно настолько, насколько можно согласовать добровольность и принуждение»¹⁰.

С этим можно полностью согласиться. Поскольку в тоталитарном государстве террор происходит в масштабах всего государства, то стоит предположить, что у населения страны вырабатывается Стокгольмский синдром (необъяснимая симпатия заложника к террористу), население начинает поддерживать свою ранее нелегитимную власть, перенимает ее идеи и считает, что жертвы, принесенные для достижения теперь уже общей цели, необходимы.

Экстремизм может также порождать застой власти, происходящий из-за узкого подхода к набору руководящего состава, когда набирают управленцев при помощи жестких цензов, установленных самой властью и не позволяющих изменить ее направление, как, например, происхождение, религия, членство в определенной организации. Это толкает также людей к разрушению данной системы, в случае если народу не будет предоставлена

хотя бы мнимая альтернатива правящей элиты, которая будет создавать хоть какой-то противовес и предлагать различные нововведения. Если же элита не сможет вести диалог между собой, то ни о каком диалоге ее с народом речи идти не может.

Одним из мотивов ксенофобических преступлений служит уничтожение слабых и «ненужных».

Причинами нападений на отдельные группы населения, такие как старики и инвалиды, предполагаются следующие:

жертвы неспособны оказать сопротивление; жертвы ассоциируются с образами слабости и ущербности, с которыми они, молодые и здоровые, «призваны бороться»;

старики и инвалиды воспринимаются как никому не нужный балласт общества, они ничего для него не делают, лишь висят на шее;

старики и инвалиды как символы слабости могут восприниматься в качестве того, что ждет самих ксенофобических личностей, а поэтому отвергаются ими. Агрессию у убийц стариков бессознательно порождает страх стать такими же: слабыми, не умеющими защитить себя, беспомощными, никому не нужными.

Помимо этого, нанося вред кому-либо беззащитному, они увеличивают свою самооценку, не замечая того, что, кроме углубления своей ограниченности, они ничего не приобретают. Таким образом, они самоутверждаются не за счет расширения своего кругозора, а за счет его примитивизации.

¹ Кибальник А., Соломоненко И. «Экстремистское» хулиганство - нонсенс уголовного закона // Законность. 2008. №4. С. 12.

² Дмитриева О.Д. Условия формирования толерантности как устойчивого мотива и базисного свойства личности // Актуальные проблемы психологического знания. 2011. № 2. С. 89-90.

³ Глотова В.В., Плохина М.Б. Философские проблемы общества комфорта и потребления // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2010. № 8. Т. 6. С. 114.

⁴ Дернова Л.Р. К проблеме самоутверждения личности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 7. С. 139.

⁵ Сурдин Г.В. Статусное самоутверждение личности: его природа и сущность // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 4. С. 221.

⁶ Матутите К.П. Феномен конформизма // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 3. С. 188.

⁷ Московичи С. Век толп / Пер. с фр. Т. П. Емельяновой. - М., 1998. С. 38.

⁸ Лоренц К. Агрессия (так называемое зло) / Пер. с нем. - М., 1994. С. 30.

⁹ Салахова А.И. Понятие и криминологическая характеристика личности политического преступника // Актуальные вопросы экономики и права в современной России. Вып. 3. - Нижнекамск, 1999. С. 80-81.

¹⁰ Желев Ж. Фашизм: Тоталитарное государство. - М., 1991. С. 187.